Виктор Семёнов

Молитва для адмирала

роман

Виктор Александрович Семёнов
Молитва для адмирала

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23684349
Молитва для адмирала: Издательская группа "Айсберг"; Свнкт-Петербург; 2017
ISBN 978-5-9908188-4-2

Аннотация

Наша жизнь – удивительное приключение, и в жизни каждого найдется место и детективу, и романтической комедии, и даже мелодраме.

А юмору? Юмору – в первую очередь! Перед вами роман – приключение, динамичный, веселый и оптимистичный, как и все произведения автора.

Книга для смельчаков, которые не боятся смотреть вглубь себя, задавать вопросы и находить ответы.

Содержание

Глава 1. Фантастическая 7
1 7
2 18
3 23
4 30
5 37
6 43
7 61
Глава 2. Историческая 79
1 79
Конец ознакомительного фрагмента. 86

Молитва для адмирала
Виктор Семенов

Супруге Юлии
дочери Софии
сыну Михаилу
с Любовью

Все совпадения – случайны, а персонажи – вымышлены. Все, кроме, одного.

Эта история требовала от меня свободы.

Стучала кулаком по столу, не ведая ни капли скромности, кричала, разрывая изнутри, и чуть-чуть успокоилась, когда я наконец взял лист бумаги и ручку.

Я познакомился с Денисом Дмитриевским в старших классах школы, и мы не то чтобы подружились, но по крайней мере общались, не вызывая друг у друга изжоги. Потом наши пути разошлись: он выбрал юридическое образование, я же отправился искать счастья в журналистике. Мы встречались на вечеринках у общих друзей и продолжали встречаться после окончания институтов, хотя каждый из нас уже занимался своей профессией.

Время текло, мы взрослели, обрастали делами, семьями. Обрастали ответственностью. Появились дети. Я писал статьи, очерки и сценарии. Денис делал бизнес в сфере права, начал с земельных правоотношений и потихоньку расширял

его на все возможные сферы, за которые ему было интересно браться.

И вот некоторое время назад мне потребовалось встретиться с Денисом, уже не как с одноклассником и другом (а время все-таки расставило все по своим местам), а как с юристом, одним из лучших в городе в сфере земельных правоотношений. У меня возник вопрос, шкурный, о моей даче на Ладоге, и, конечно, я тут же напросился в офис к Денису. Он щелкнул мой вопрос за десять минут, рассказав необходимый алгоритм действий, и дальше, имея некий запас времени и отличное настроение, предложил выпить по бокалу скотча и поболтать, и я, поскольку не мог и не хотел отказывать, естественно, согласился.

Вначале я, выпив немного вкуснейшего виски, рассказал Денису о своих успехах, похвастался заметными публикациями. Я помню, он спросил тогда:

– Слушай, а почему бы тебе не написать большую вещь?

Я думал об этом. Много думал. И у меня был ответ:

– А о чем? О чем писать?

Денис помолчал тогда, я помню, но не очень долго, и ответил, глядя куда-то поверх меня:

– О Колумбе.

Я поперхнулся оливкой:

– О ком?

– О Христофоре Колумбе.

Он посмотрел на часы, наполнил стаканы и рассказал мне

эту историю. Закончил, когда уже глубоко стемнело. Мы допили бутылку, по-дружески обнялись и разбежались по домам.

В каждом из нас есть Колумб. Мы не всегда знаем, куда плывем. Не всегда знаем, сколько еще до новой, пока никем не открытой земли. И каждый из нас пересекает черту, deadline, откуда возврат еще возможен: пресной воды в трюмах хватит, чтобы добраться домой… Но ты не поворачиваешь назад, а ждешь попутного ветра и, как только он наполняет паруса, мчишься дальше, забывая о том, что позади только что осталась точка невозврата.

И как только я взял ручку и листок бумаги и пересек свой deadline, эта история мгновенно вырвалась на свободу.

Глава 1. Фантастическая

1

Вокруг Дмитриевского и всей его команды сжималось кольцо. Обстоятельства непреодолимой силы, случайные и неслучайные совпадения, вереница странных фактов – все сливалось в один полыхающий огнем обруч, через который Денису приходилось прыгать, словно он цирковой тигр, а не руководитель собственного правового центра.

В кабинет завалилась Орлова. Без стука, как обычно. Собрала в хвост растрепанные светлые волосы, одернула пиджак и уселась в кресло напротив, обдав Дмитриевского веселым нежно-голубым взглядом.

– Как ты, Оленька?

– Отлично. Лучше, чем когда бы то ни было. Ты?

– Тоже неплохо. Из суда?

– Конечно. И сразу к тебе. Отложили. На месяц.

– Не очень? Чуешь что?

– Да. Судья или разбираться не хочет, или заряжена. Еле ноги унесла. Месяц есть, чтобы перегруппироваться. Дай сигаретку…

– А тебе восемнадцать-то есть? – улыбнулся Дмитриевский, доставая пачку.

– Ну да вроде… Тридцать три… А иногда кажется, что все пятьдесят.

– Ну не утрируй, милая…

Оля в свои тридцать три руководила судебно-правовым отделом, держа под контролем все текущие судебные процессы, и лично участвовала в самых сложных.

– Правда… Я вообще жаловаться пришла, Денис…

– Никаких жалоб, Оленька, ты же знаешь, – ответил Дмитриевский.

– Ну не жаловаться… Назови это рационализаторским предложением… Ребята недорабатывают…

Так Орлова называла коллег, которые занимались административными процедурами. Они же помогали судебникам собирать доказательства из государственных структур. И вот между «ребятами» и Ольгой постоянно шла какая-то не совсем понятная Денису борьба.

– Ясное дело, – съехидничал он.

– Я серьезно, – ответила Ольга. – Попросила вон один документ из администрации мне достать для сегодняшнего процесса. Так криков было – как будто я что-то противоестественное прошу…

Дмитриевский усмехнулся:

– Думаю, если бы ты у них что-нибудь противоестественное попросила, они бы сделали это с радостью. А так, видимо, скучно.

У Орловой заверещал карман.

– О, – засмеялась она, глядя на экран смартфона. – Летчик мой… В отпуск к нему собираюсь…

– Ответь… – улыбнулся Денис и углубился в почту.

– Да, Кирилл! – затрещала в телефон Орлова, а в кабинет Дмитриевского после однократного, ничего не значащего стука заглянула голова Вити Смолина – компьютерщика и системного администратора:

– Можно?

– Да, конечно. Ты один?

– Не. С Васей Кручининым.

Кручинин, рекламщик и маркетолог, сидел в одном кабинете со Смолиным. В последнее время они работали над интернет-сайтом. Почти всегда ходили вместе и постоянно переругивались.

– Конечно, с Васей, – улыбнулся Дмитриевский, – Как же без Васи. Что там?

Ребята встали за спиной Орловой. Она вопила в трубку:

– Что значит «не прилетай»? Что это значит? У меня билеты невозвратные, слышишь?

– Денис. У нас с Васей разногласия по концепции сайта. – Витя поправил длинные, давно не стриженные волосы.

– «Разногласия по концепции сайта…» – передразнил его Василий и пояснил, глядя на ноги Орловой: – Да он просто упрямый осел, вот и все разногласия!

Ольга же продолжала недовольно трещать в трубку:

– Ты вообще, что ли, тю-тю? Как так можно, а?! Летчик

еще называется!

– Ха! Кто из нас упрямый осел? – Витя зло посмотрел на рекламщика. – Я тебе в прошлый раз то же самое говорил: зачем запускаешь интернет-рекламу перед длинными выходными? Кто будет звонить? И кому?

– Телефоны мобильные указаны. Звонили, – парировал тот.

– Кому? Кому звонили?

– Мне один раз. И один Васильевне.

– Так это, наверное, Васильевна тебе звонила рассказать, что ей звонок был. Ты же все равно не взял трубку, ага? – иронично пробормотал Витя.

– Сволочь ты! – заорала Орлова. – Мерзавец! Тоже мне офицер!

И заплакала, отключив телефон.

– А ну-ка тихо все! – повысил голос Дмитриевский.

– Осел… – еще раз буркнул Вася и умолк.

Все стихли. Тикали большие настенные часы «Ситизен»; Дмитриевскому их подарили коллеги-конкуренты на прошлый день рождения фирмы. Орлова всхлипнула. В кабинет заглянула крашеная блондинистая голова бухгалтерши-кадровички Любы. Увидев диспозицию, Люба ойкнула и закрыла за собой дверь. Дмитриевский вытащил из верхнего ящика письменного стола пару бумажных салфеток и положил их перед Олей.

– Ого… У него в столе салфетки… – прошептал Витя.

– Ну конечно, – огрызнулся Вася. – Как поглядит на антивирусник, который ты закупил в прошлом году, так и плачет… Два компьютера уже полетело…

В кабинет, опять же без стука, зашел заместитель Дмитриевского Борис Аркадьевич Скрипник, с небольшой сединой в волосах, в красивом черном костюме. Он принес два стаканчика кофе, один из которых поставил на стол перед Денисом, и сел на черный кожаный диванчик слева от входа.

– Что вам здесь всем, медом намазано? – проворчал Денис, глотнув из стакана. Аромат черного колумбийского кофе стал заполнять кабинет. А сладкая парочка продолжала свои препирательства.

– Компьютеры полетели не из-за вирусов, – прошипел Вася, – а из-за юзеров. А что в головах у этих юзеров – одному богу известно. И очень может быть, что как раз вирусы… Но тогда ты, получается, прав…

– Конечно, прав! – встрепенулся Вася.

– Ребята, – устало поинтересовался Денис, – а мы вам здесь не мешаем? Вы зачем пришли?

– Борь, а мне? – всхлипнула Ольга. – Мне кофе?

Борис Аркадьевич, поерзав на диване, пробасил:

– Милая, но я же не знал, что ты здесь истеришь сидишь… На, возьми. Я не пил еще.

Он встал и поставил свой стаканчик на ее чуть влажную бумажную салфетку.

– Спасибо, – пискнула Ольга.

– Зачем мы пришли? – Витя с надеждой посмотрел на Дмитриевского. – Есть один вопрос. Вася хочет повесить на сайт бесплатные онлайн-консультации. А мне кажется – не надо. Кто будет их давать?

– Новенькая, – пояснил Вася. – Я с ней поговорил – она не против.

– А чего, – отозвался Дмитриевский, – нормально, по-моему. Оля, как новенькая? Она же у тебя в отделе?

Месяц назад просто так, с улицы, без рекомендаций, к Дмитриевскому взяла и пришла незнакомка. Сказала, что хочет работать у него. И как раз одно место освободилось: ушла в декрет девчонка из отдела Орловой. Он мельком пробежался по резюме пришелицы и, вызвав Ольгу, кивнул в сторону новенькой: забирай, мол…

Орлова глотнула кофе и поморщилась:

– Двоякое ощущение от нее. Вроде умная девка, в голове много чего держит. А иногда какой-нибудь финт выкинет – думаешь потом, что это было…

– Пусть консультирует онлайн в свободное время. Вопросы есть?

– А ее кто будет консультировать онлайн? – огрызнулся Витя. – Чтобы она смогла консультировать? Наконсультирует она вам…

– Ольга? – Денис посмотрел на девушку, ожидая ответа.

– Не, – отмахнулась та, – с квалификацией все в порядке. Письменно, может, еще лучше выйдет. У нее были казусы

при личном взаимодействии. Здесь – нормально, я думаю.

– Говорил я тебе! – продолжил ворчать на друга Василий. – А ты: нет, пойдем советоваться. Отвлекаем только…

– Это ты отвлекаешь. А я по делу…

– Так, ребят, – осадил их Борис Аркадьевич. – Давайте вы у себя продолжите, а? Нам здесь кое-что надо бы обсудить. Оля, у тебя еще что-то?

– Нет, – ответила Орлова, забрала стаканчик с кофе и салфетку и быстро ретировалась, цокая по деревянному полу восьмисантиметровыми каблуками. Ребята зашевелились и направились к двери; Вася продолжал коситься на ноги Орловой, а Витя – на Васю, что-то бормоча.

Борис Аркадьевич перебрался туда, где только что сидела Ольга. Настенные часы «Ситизен» внимательно наблюдали за происходящим со стены напротив и показывали половину пятого.

– Денис… – начал было Борис Аркадьевич, но тут в дверь опять проникла светлая голова Любы:

– Я на минуточку?

– Давай, быстро, – разрешил ей Дмитриевский. – Время пошло.

– У новенькой нашей диплом юрфака, похоже, липовый. Вон, на мой запрос ответили…

Она протянула Денису какую-то бумажку, но ее успел перехватить сидящий напротив Борис.

– А зачем ты вообще запрос делала, звезда моя? – спросил

Денис.

– Как зачем? Положено. Кадровый учет…

– А… Ладно. Оставляй. Будем разбираться.

Борис положил бумажку на стол, а Люба поспешила максимально быстро исчезнуть из кабинета. Хлопнула дверью.

Из замочной скважины с внутренней стороны торчал ключ. Скрипник повернул его, медленно прошел обратно и сел на то же самое место, положив ногу на ногу. Уперся носком кожаного итальянского ботинка в мусорное ведро под столом у Дениса и чуть сдвинул его к хозяину кабинета. Слегка прищурился от неожиданно проникшего в кабинет солнца. Сказал:

– Завтра с утра встречаемся с советником. Там чего-то не так четко, как планировали. Заказчик, похоже, не ставя нас в известность, сам полез что-то решать…

– Ты о Парашютной?

– Да.

– Вот б… – вырвалось у Дениса.

– Не матерись, дружище.

– А чего делать? Краковяк плясать?

У Дмитриевского было одно занятное свойство: чем сильнее вокруг нарастали напряжение и незапланированная кутерьма, тем больше из него выходило смеха и юмора. И вообще, обладая очень специфическим чувством юмора, он старался смотреть на все профессионально-бытовые неурядицы сквозь призму веселья, иногда неуместного и даже чуть-чуть

оголтелого. Борис же Аркадьевич, наоборот, серьезный и собранный, на работе позволял себе веселье только во время корпоративов.

– Не надо, – серьезно ответил он. – Не надо плясать.

– С Костей едешь?

– Да, конечно.

Костя (или, если чуть более официально, Константин Сергеевич Аблокатов) руководил так называемым отделом согласований (на ребят оттуда и пыталась жаловаться Орлова) и отвечал в конторе за взаимодействие с органами государственного аппарата, и официального, и не совсем. Ранее, естественно, работал на государственной службе.

– А чего там? – спросил Денис, хотя примерно понимал, о чем будет речь.

– Мы сейчас вышли на этап получения разрешения на строительство. Документы в службе. По низам решаем. А Фарух, похоже, решил подстраховаться и полез наверх говорить. А там не в настроении был дядя. И низы занервничали.

Фарух Низаметдинов был управляющим партнером крупного строительного холдинга, который занимался строительством жилья по всему региону.

– А аванс низы взяли?

– Взяли. Потому и нервничают. Как бы не пришлось возвращать…

– Верхи не в настроении, а низы нервничают. Почти февральская революция…

– Да, только сейчас октябрь, а там другие силы были, помнишь?

– Конечно, – засмеялся Денис. – Как сейчас помню. Сидели с Зиновьевым и Каменевым напротив Авроры и думали: нефигово бы пальнуть по верхам…

Ни тени улыбки. Сама серьезность:

– И еще. Слушок прошел. Их с рынка хотят выдавить. Через этих.

Борис поднял указательный палец вверх и продолжил, покачивая ногой мусорное ведро:

– И Фарух занервничал. И сам решил проверить все. Хотя обычно не лезет. А Костя советника знает. Пошепчемся завтра, чего там. Может, и рассосется.

– Если рынок начнут переделывать, ничего там не рассосется. Тут надо думать, как самим под замес не попасть.

– Мы маленькие, – ответил Борис, но слегка неуверенно. – Не попадем.

Денис внимательно посмотрел на коллегу:

– Боря, у тебя все нормально?

– Да, а чего?

– Вид странный. Как будто не спишь ни фига. Из-за Фаруха?

– Не, – ответил Скрипник, поерзывая на диване. – Сон чего-то стал сниться. Про аварию… Помнишь, рассказывал?

– Когда с женой ехал?

– С бывшей. На Волхонке. Чудом вывернул…

– Собака вроде?

– Да. Выскочила прямо на шоссе…

– Ты глицинчику попей перед сном, а…

Урна все-таки рухнула на пол, выставив на обозрение несколько смятых бумаг, пустую пачку «Парламента» и протекшую ручку. Денис еще раз матюгнулся, а Боря поспешил удалиться, извинившись за неудобства. Дмитриевский собрал с пола все это безобразие и взял со стола бумагу, которую принесла ему кадровичка Люба. Прочитал внимательно, скомкал и отправил в урну вслед только что собранному мусору. Потом подошел к зеркалу на дверце гардероба и, внимательно посмотрев на свое красивое, правильной формы лицо, спросил у отражения, глядя в веселые зеленые глаза собеседника:

– Диня, что происходит?

Отражение помалкивало. Он, матюгнувшись еще раз, вытащил из шкафа бежевое пальто, надел его и, выключив свет, отправился на подземную парковку. Его рабочий четверг, 3 октября 2015 года, подошел к логическому завершению.

2

Рабочий четверг Кости Аблокатова все еще продолжался. В приемной одного из чиновников градостроительного департамента ему прилетела СМС от Орловой: «Костик, ты куда вечерком?»

«Что, бросил летчик-то?» – мгновенно отреагировал он и хотел было поставить смайлик, но тут секретарь Катенька, улыбнувшись ему сквозь осеннюю усталость, кивнула в сторону дверей. Пришлось отправить так.

Костя предстал перед строгими очами своего старого знакомца Миши Давыдова, отвечающего за градостроительную политику правобережной зоны города. Тот хмурился, глядя на какую-то резолюцию на тощем документе. Посидели минутку в тишине. Потом Давыдов зарылся в бумаги на столе, которых было очень много для руководителя такого уровня. Костя не выдержал:

– Михаил Дмитриевич, вы чего макулатуру копите?

– Знал бы ты ее рыночную стоимость! – огрызнулся тот и, вытащив искомую бумагу, сунул ее Косте. Тот внимательно изучил документ и спросил, улыбнувшись:

– А чего тянул столько?

– Не тянул. Болел. Астма.

– Ясно. Ладно. Поехал. Благодарю.

– Куда это? – Давыдов впервые посмотрел на собеседни-

ка. – А спасибо?

Костя криво ухмыльнулся:

– Так авансировано же, говорили. И спасибо, и мерси… Забыл? Точно астмой болел?

– Иди ты! – заверещал Давыдов, и Костя пулей выскочил из кабинета. Надевая куртку в приемной, мельком посмотрел на экран смартфона. Две СМС от Орловой. В первой – просто грустный смайлик, а во второй – крик души: «Поехали в „Акапулько“?»

«Это ж в Мексике!» – ответил он, улыбнувшись.

«На Лиговке», – пояснила Оля.

«Через полчаса».

«ОК».

Константин был человеком очень юморным и талантливым, знал это и старался использовать на все сто. Семь человек у него в подчинении занимались согласованиями во всех структурах города. Великолепная семерка, так он называл их в мгновения триумфа. Или семеро козлят – в минуты разочарования. Двое ребят решали все по земельному блоку. С силовиками. С приставами. С природоохранными ведомствами. Он сам, лично отвечал за вопросы строительства.

«Почему же ты до сих пор не миллионер?» – шептал злобный голосок в голове, когда Аблокатов сосредотачивался на возможностях, своих и своего коллектива. Он неоднократно размышлял о самостоятельном плавании, присматриваясь к тому, как Дмитриевский ведет свои дела, но раз за ра-

зом его останавливала одна и та же интересная штука. Он не понимал, как шеф находил клиентов. А тот находил их постоянно. Минимум рекламы. Минимум общения. А тянулись к нему – как к магниту.

«И ты давай, – шептал голосочек, неугомонный, чуть-чуть сердитый. – Давай так же. Магнить. А потом решай. Как умеешь». Но не получалось чего-то. Не магнитилось. За семь лет работы на Дениса Костя привел в контору только троих клиентов. И как с таким материалом уходить в свободное плаванье? И что это будет за плаванье? На банане? Через Северный Ледовитый океан? Тут голосок, который постоянно ехидно булькал, умолкал, словно выжидая чего-то.

«Костя, я уже на месте», – возмущенно брякнул телефон.

«Я – тоже», – ответил он, заходя внутрь пахнущего буррито мексиканского рая.

Орлова в последние несколько лет с завидной регулярностью повторяла один забавный ритуал. Расставшись с парнем, тут же вызванивала Костю, предлагая ему посидеть и выпить где-нибудь, а когда сидеть и выпивать сил вроде как больше и не оставалось, то обычно находились силы для другого, более интересного продолжения вечера. И этот вечерок не стал исключением и завершился в Костиной двушке на углу Ленинского проспекта и проспекта Народного Ополчения. В начале первого Ольга сидела в кресле в Костиной хилфигеровской рубашке, накинутой на голое тело, и полузакрытыми глазами томно рассматривала, как желтый свет

бра, висящего на стенке над ее головой, играл в бокале, наполненном красным южноафриканским сушняком. Костя же курил на балконе; точнее, на балконе курила его голова, а остальное тело, не прикрытое одеждой, находилось в тепле комнаты. Орлова промурлыкала, сделав глоток вина:

– Аблокатов, а давай удерем, а?

Тишина была ей ответом, а потом Костя целиком очутился в комнате и переспросил немного заплетающимся языком:

– Ты что-то сказала?

– Давай удерем, – повторила Орлова.

– Сейчас ночь. Мы в Красносельском районе. Голые. Куда ты удерешь?

– Не в этом смысле. От Дениса удерем. Мы крутые.

– А куда? – улыбнулся Костя.

– Сами будем. Сами по себе. Мы крутые. – Она сделала еще один глоток.

– Давай, – улыбаясь, ответил Аблокатов. – Только завтра. Я с Борей съезжу к Лазаревичу переговорить, переговорю – а потом удерем. Как тебе такой вариант?

– Ты прикалываешься! – буркнула Орлова, отвернувшись к телеку.

– А с тобой невозможно серьезно.

– Возможно. Со мной возможно только серьезно. Несерьезно – это не со мной, слышь, Аблокатов? Я серьезная девушка.

Костя на мгновение помрачнел. В основном потому, что и сам постоянно думал о побеге.

– Орлова, нельзя. Пока, по крайней мере. Мы с тобой с голоду того…

Он присвистнул, изображая, что с ними произойдет в случае прекращения трудовых контрактов.

– Ну, не утрируй, Костик…

– Не, я серьезно… Ну, если и не с голоду, то без новых туфель от Риччи ты точно кони двинешь. Клиентов мы где будем брать?

– Сами придут, – невозмутимо ответила Оля. Аблокатов уставился на нее в недоумении. Потом подошел, сверкая оголенными телесами, и пощупал лоб Орловой. Та улыбнулась и прижала Костю к себе, обхватив длинными сильными ногами. Прошептала:

– Слушай, забери к себе новенькую…

– А чего так? – удивился тот.

– Забери. Странная она… Заберешь? Обещаешь? – она слегка куснула его за шею.

– Хорошо, – прошептал Костя. – Поговорю с Диней…

Он подхватил ее на руки и перенес в кровать.

3

Утренние часы пятницы выдались для Гриши Лазаревича крайне странными. В десять у него была назначена встреча с капитаном полиции Колей Василенко, опером ОБЭП, а в десять тридцать – с ребятами по Парашютной. И все это в лобби-баре «Астории». Опера он сам ангажировал, поэтому не удивлялся, что тот опаздывал. А инициаторами второй встречи были ребята, и неудивительно, что один из них – Борис Аркадьевич Скрипник – уже сидел за столиком у окна за чашкой американо. Приехал пораньше, удачно проскочив обычно забитую Ушаковскую развязку. Скрипник не был официально знаком с Лазаревичем, поэтому пока что не подходил к нему. Так они и сидели неподалеку друг от друга, старательно избегая прямых взглядов, хотя оба знали, зачем они здесь.

С опозданием на десять минут приехал Василенко; сев напротив Григория, закрыл его своим мощным телом от пытливых глаз Бориса Аркадьевича. Тот же, вздохнув наконец с облегчением, сделал знак официантке.

Советник вице-губернатора Гриша Лазаревич и опер-уполномоченный ОБЭП Центрального РУВД Коля Василенко представляли собой картину достаточно красочную и контрастную. Гриша был одет подчеркнуто неброско, но строго: черный костюм, галстук, кожаный портфель. Коля же,

напротив, не очень заботился о гардеробе: нежно-голубые джинсы, потрепанный пуловер с закатанными рукавами. И лишь громоздкие часы Offshore, болтающиеся на правой руке, говорили о том, что он приехал на важные переговоры. Ребята были примерно одного возраста – чуть за тридцать, но обращались друг к другу на «вы».

– Григорий Яшевич, – улыбнулся Коля, протягивая руку, – извините меня, Христа ради: пробки…

– Ничего страшного, – ответил Григорий. – Бывает. Сам грешен.

– Как дядя?

– Отлично. Спасибо. Вашими молитвами…

Дядей Коля называл Гришиного родственника – дядю его супруги Ленки, вице-губернатора Алексея Дмитриевича Заболотного.

– Чем обязан-то?

– Слушок пошел… Надо посоветоваться…

– AFX?

– Ага…

В AFX, крупной финансовой структуре, у Гришиного «дяди» были интересы. Какие именно и насколько большие, Гриша точно не знал, мог только догадываться. Некоторое время назад пошел слух, что AFX будут трепать, причем трепать серьезно, и Григория отправили на предварительные переговоры – прощупать почву. Переговоры, однако, закончились очень быстро.

– Это не мы, – ответил Николай.

– Контора?

– Да.

– Вообще нет информации?

– Вообще.

– Достать сможете? Или дать кого?

– Подумаю.

– Сами наберете?

– Конечно. В понедельник.

Коля встал и, протянув Григорию руку, которую тянули вниз тяжелые часы, мгновенно пропал, растворившись в утреннем городе.

До следующей встречи оставалось еще минут пятнадцать, и Гриша, мельком посмотрев на Бориса Аркадьевича (тот все так же сидел неподалеку), углубился в перелистывание страниц на телефоне. Борис, в свою очередь, отвел взгляд, испытывая некоторое неудобство.

Аблокатов приехал вовремя. Поздоровался с советником, сел напротив него, и Борис следом перебрался за их столик, виновато улыбнувшись Григорию. Тот как будто и не заметил:

– Джентльмены. В курсе, что вас привело, но пока ничем конкретным не порадую. Знаю, что кое-кто взял обязательства перед вами, ну и перед Фарухом, соответственно, но есть какое-то указание…

– Чье? – Костя сделал глоток только что поданного аме-

рикано и с облегчением выдохнул. Его бледно-зеленые глаза в свете электрических ламп выглядели немного устало.

– Первого, – ответил советник.

– Да не… – улыбнулся Борис. – Первому это пофиг…

– Ну не скажите… Хотя, может, действительно кто-то играется, от него… Но есть его резолюция. Сто процентов. Сам видел.

– Какая?

– «Отказать в соответствии с действующим законодательством».

Костя усмехнулся, а Борис Аркадьевич, оставаясь невозмутимым, заметил:

– Серьезная надпись.

– Более чем, – ответил советник.

– Чего, нам через суд разрешения получать? Экспертизы-то все пройдены…

– Да погодите вы… Спустится – может, и рассосется…

Аблокатов понимал, что разговор заходил в тупик, но сделать ничего не мог: реальная позиция советника оставалась для него тайной. Григорий же действительно не знал, кто развязал войну против Фаруха, но, делая умный вид, пытался сохранить лицо перед «постоянными клиентами».

Минут через десять, так ничего и не решив, Григорий уехал, а ребята остались в лобби, заказав еще кофе.

– Костя, ты прекратишь пить по будням? – спросил Скрипник, глядя на чуть красное лицо собеседника. – Пят-

ницы и субботы мало?

– Форс-мажор… – пробурчал тот.

– Это по Парашютной у нас форс-мажор, похоже, вырисовывается… – отреагировал Борис Аркадьевич.

– По Парашютной вырисовывается нормальный рабочий процесс. А у меня вчера – форс-мажор, настоящий.

– А… – согласился было Борис и хотел что-то добавить, но отвлекся на брякнувшую СМС. – Ага… Ленка… Пишет, если поеду к ней сегодня, чтобы вина и оливок купил…

– А если не поедешь? – улыбнулся Костя.

– А если нет, пишет, что могу вообще более не являться.

– Юморная она у тебя.

– Наверное, – серьезно ответил Борис. – Жаль только, я не всегда понимаю ее шутки…

О перипетиях отношений Бориса Аркадьевича и молодой художницы Лены Волковой знали многие в фирме, да Скрипник, собственно, и не скрывал ничего, периодически зачитывая ее сообщения. Развелся несколько лет назад, чуть погоревал, ну а потом пустился в свободное плаванье. Не так давно встретил красивую шхуну под названием «Елена», взял ее на абордаж где-то в районе пересечения 6-й линии и Среднего проспекта, в китайском ресторане «Мао», куда явился на день рождения к институтскому приятелю, а уплыл уже с ней. Борис жил на Васильевском острове, Елена тоже, и они, выбравшись из духоты ресторана, долго гуляли, дошли до залива, и только потом, вернувшись к 12-

й линии, оказались в небольшой, но очень уютной квартире Волковой.

Костя был знаком с ней: несколько раз пересекались на корпоративах. Очень приятная девушка. Хотя стоит признать, что Аблокатову нравились все девушки, с которыми он имел дело, а если при этом они были симпатичны и с чувством юмора, он немедленно констатировал, что снова влюблен, хотя который уже раз давал себе слово сдерживать эти иногда бьющие через край эмоции.

– Напиши ей, что явишься на седьмой день с востока с первым лучом солнца. С оливками и бутылочкой шардоне. И смайлик поставь.

Борис, восприняв всерьез предложение Аблокатова, отправил СМС и, допив кофе, сделал знак официантке.

– Рассчитайте нас. Давай, наверное, двигать в офис, – предложил он, ковыряясь в бумажнике.

– Полностью согласен, шеф, – улыбнулся Костя. – Еще пару глотков… Слушай, я сегодня в бегах целый день, как и обычно… Поговори, пожалуйста, с Денисом о новенькой…

– А чего с ней? – встрепенулся Борис.

– Да ничего. Себе в отдел хочу забрать. Сейчас согласований много, лишние руки нужны. Орлова не против. У нее как раз затишье пока…

– Затишье? Не похоже…

Брякнула СМС. Борис прочитал сообщение и повернул телефон к Косте:

– Ответила…

На экране светилось: «Если ты явишься на седьмой день с востока, то я буду вынуждена сама купить себе огненную воду и вызвать слесаря из ЖЭКа для смены замка, мой Митрандир. Косте привет».

Аблокатов ухмыльнулся.

– Все, поехали, Кость…

– Поехали, поехали. Поговоришь с Диней?

– Да.

И ребята вышли из отеля.

4

А через пару часов Борис Аркадьевич плелся по коридору их офисного этажа из своего кабинета в переговорную, где через пять минут должна была состояться встреча с некими согласователями, которых пригласил для беседы Дмитриевский. Плелся, потому что впереди него неспешно шли Витя с Васей, а коридор был узковат для обгонных маневров. Да и не хотелось их обгонять.

– Твоя реклама не работает, – ворчал Витя. – Ты только тратишь свое время и деньги руководства. А на выходе – пшик.

– Это у тебя на выходе пшик, – отвечал Вася, хмуро поглядывая на собеседника. – Твоя профессия – уже сама по себе пшик. У меня – творческое дело. Я – человек творчества. А ты – железяка.

Борис стоически переносил тяготы пути, понимая, что переговорная, до которой оставалось от силы метров двадцать, проглотит его через полминуты. Ребята же наверняка плелись в свою каморку чуть дальше по коридору, рядом с комнатой для курения и туалетами.

Больше всего в работе Борис Аркадьевич любил переговоры. Его вдохновляло общение, выражение своей позиции, и он получал огромное удовлетворение, когда переговоры завершались тем, что его позицию принимали. Он даже и не

знал, с чем сравнить это… Вспомнилась художница и планируемое на вечер рандеву. Ну да, промелькнула мысль, если только с этим… Монотонное бубнение впереди вернуло его в реальность.

– У тебя сердца нет, – продолжал Вася. – Ты же знаешь, этот бизнес рекламному воздействию почти не поддается. Здесь все через знакомства. Через рекомендации. Обычные рекламные ходы, которые работают с продажей товаров, здесь ноль. Я делаю титаническую работу, железный ты дровосек…

– Ты сизифов труд делаешь. – Витя провел рукой по волосам. – Надо на тебя донос написать…

– Кому? – возмутился рекламщик.

– Сталину, – невозмутимо отвечал коллега. – Сталина на тебя нет.

– Сталин покинул свое усатое тело в пятьдесят третьем, – ответил Василий, а Скрипник тем временем наконец проник в переговорную, где уже сидели друг напротив друга Дмитриевский и согласователь проектов Саша – высокий симпатичный парень лет тридцати. Темно-зеленый пуловер обтягивал его накачанные мышцы, выставляя их на всеобщее обозрение, а в руках Саши светился прямоугольник айпада со сканами документов. Борис уселся рядом с Дмитриевским.

– Александр один будет. – Денис повернулся к Скрипнику. – Михаил приболел. Что там у него? Подагра?

– Не знаю что, – ответил Саша, не отрывая глаз от гаджета. – Я не его лечащий врач. Написал, что приболел. Просил без него переговорить. Насколько это возможно.

– Ты знаешь причину встречи?

– Шапочно. Что-то с объектом на Лопатина?

– На лопате, на… – огрызнулся Дмитриевский, а Скрипник положил ему руку на бедро, пытаясь успокоить. Но вышло наоборот.

– Я осмечиваю объект! – заорал взбудораженный Денис на Александра. – Ты приходишь к заказчику и говоришь, что сделаешь дешевле! Так?

– Ну да вроде… Это причина для криков?

– Но почему при всем при этом ты не ставишь заказчика перед фактом, что промежуточные бумаги, получение которых увеличивают мою себестоимость, ты просто-напросто подделываешь? Левак им подсовываешь!

– Это Миша… – Саша впервые оторвал взгляд от айпада. – Миша бумаги делал. Я не в курсе.

– Правильно, – уже спокойнее отвечал Денис, – а где он, твой Миша? Именно поэтому я и хотел встретиться с обоими…

– Приболел… У него подагра…

– Какая подагра? – снова заорал Дмитриевский. – Ты что, реально не помнишь, что было пять минут назад? Это я придумал! Про подагру…

– Ты придумал – ты и лечи. Мне Миша здоровым нужен

– вопросы решать…

– Пошел вон! – заорал Денис, и Саша пулей вылетел из кабинета.

На минуту воцарилась полная тишина. Потом ее прервал Скрипник:

– Зря ты так. Им это все равно.

– Знаю. Но гнев праведный…

– Праведный, да? И что это меняет?

– Все.

– А… Ну тогда ладно. Пошли кофейку выпьем.

И они не торопясь двинулись в сторону кабинета Дмитриевского.

– Как вы встретились? С советником?

– Да никак, – ответил Борис и вкратце передал Денису их разговор.

– Весело, – выдавил из себя Дмитриевский. – Еще есть новости?

– Еще вот… – Борис начал было рассказывать про художницу.

– А это-то мне зачем? – удивился Денис, опасливо поглядывая на зама. – Хочешь, чтобы я знал, что у тебя сегодня, возможно, будет секс?

– Нет. Просто других новостей вроде как больше и нет, – серьезно ответил Скрипник. – По крайней мере хороших… Ты иди, а я сейчас кофеек принесу.

Он исчез за поворотом коридора, отправившись к кофе-

машине, а Денис нырнул в темноту своего кабинета. Заверещал телефон. Звонила мама.

– Диня! – закричала она, как обычно, без приветствия. – Вы к нам в выходные приедете?

– Не знаю, мам… – ответил он, поглядывая на часы. – Пока не знаю. С Иркой поговорю. Наверное…

– Ты детишек потеплее одень – у нас батареи отключили. Авария какая-то. У вас все здоровы?

– Конечно. Спасибо. Я сообщу вечером. Папа здоров? Возьму маленькую?

– Возьми. Пока.

Она повесила трубку, а Денис, взглянув на часы напротив, сел за стол и влез в почту. Открылась дверь, внутрь проникли два стаканчика с кофе. Затем в кабинет зашел и Скрипник. За ним сквозняком залетела Орлова.

– Денис Александрович? – всхлипнула она.

Скрипник поставил кофе на стол перед Денисом и сел на диванчик. Дежавю, мать его так, промелькнула у Дмитриевского мысль.

– Что еще? – спросил он чуть раздраженно. – Кто теперь тебя обидел? Моряк? Гондольер?

– Я по работе… – насупилась Оля.

– Первый раз вижу, чтобы из-за работы ревели… – удивился Денис. – Надо чего, лисонька?

– Не, – продолжала всхлипывать Орлова. – Садоводы наши… Полетело решение районного суда… Жесть. Не ожи-

дала. Сто двадцать человек.

Дело было такое. В Пушкине в начале девяностых руководство известного на всю страну сельскохозяйственного института выдало преподавателям и ученым наделы земли из неиспользуемых ресурсов. С финансированием тогда были сложности, и участки давали для ведения садоводства, чтобы люди могли элементарно прокормиться. Граждане создали садоводство. И использовали участки уже больше двадцати лет. Потом пошли оформлять. И везде, во всех инстанциях, во всех кабинетах им шептали: нельзя, нельзя, нельзя… Потом пришли к Дмитриевскому. И первая инстанция – районный суд общей юрисдикции – сказал: можно. А апелляция – опять за старое…

– Ну, а чего реветь-то? Готовься к кассации. Какие вопросы?

– Кассация будет там же, знаешь ведь… Другой состав судей просто. – Орлова зашарила по столу в поисках бумажных салфеток.

– И что? Готовься, делай по максимуму. Они что, отказались скидываться на…

Дмитриевский задумался, как бы ему обтекаемо сформулировать название действия, имеющего отношение к коррупции. Начал демонстративно водить головой в поисках мифических камер и прослушивающих устройств.

– Отказались, – опередила его Орлова.

– И правильно, – отрезал Денис, доставая две бумажных

салфетки.

Тут Борис Аркадьевич, который до того молча наслаждался кофе, вступил в разговор:

– Орлова, ты давай успокаивайся – и марш работать. Мы и так к тебе чересчур лояльны. За проигрыши не наказываем. А за выигрыши ты премии ходишь клянчишь. Что за дела? Новенькую к Аблокатову запихала…

– Чего это? – удивился Денис.

– Костя ее сам захотел… – Орлова встала и, нервно теребя бумажную салфетку, начала отступление к двери. – А у меня сейчас справляются. Нормально. А у него завал…

Исчезла за дверью. А мужики, допив кофе под тиканье настенного механизма, разъехались по своим делам.

5

Денис запихал свое тело в матово-черную немецкую машину и без пауз двинулся к выезду с подземного паркинга. Выехать сразу, однако, не получилось: у шлагбаума, перегородив проезд, в страстном поцелуе сошлись две красивых шведских железяки. Владелец черной 90-й сидел внутри автомобиля, разговаривая по телефону. А красивая блондинка в ярко-красном плаще и такого же цвета туфлях из 60-й стояла рядом с водительской дверью своего оппонента и что-то грозно кричала ему. Что именно – Дмитриевскому было не разобрать: в салоне из радиоприемника громко завывал Кипелов, празднуя долгожданную свободу. Денис торопился на хоккей. Сегодня в «Ледовом» СКА должен был надрать одно место минскому «Динамо». У Дмитриевского и двух его друзей, бывших сокурсников, была традиция раз в месяц обязательно выбираться либо на хоккей, либо на футбол, в зависимости от времени года и настроения. Он выехал с небольшим прицелом на пробки, и долго стоять на выезде с офисной парковки никак не входило в его планы.

Брякнула СМС. «А ну-ка убери свой Порш Кайенчик», – пропел смартфон сообщением от Вали Замятиной, директора архитектурного бюро, которая снимала офисы этажом выше. Ее «Ягуар» аккуратно подкрался сзади и, встав прямо за машиной Дмитриевского, ласково подмигнул фарами. Валя,

видимо, не до конца оценила ситуацию, не разглядела поцеловавшихся шведов за громоздким кузовом автомобиля Дениса. Через минутку прилетела еще одна СМС: «Ой, прости, Юстинианчик». Денису нравились ее подколы и стиль, кроме, пожалуй, коверкания окончаний слов, которое придавало им уменьшительно-ласкательный привкус.

«Я свободен. Я забыл, что значит страх», – ответил он Вале только что услышанной по радио сентенцией. Парочка автолюбителей спереди вроде бы приступила к более конструктивному диалогу: мужчина вылез из машины.

«Как детки?» – продолжила разговор Валентина. Деток у Дмитриевского было двое: пятилетняя Лизка и трехлетний Женя.

«Отлично, – ответил он. – Твои?»

«Вашими молитвами. Хороших выходных».

Парочка поцеловавшихся на выезде обменялась телефонами, и наконец, спустя десять минут ожидания Денис освободился, превратив в реальность песню рокера. В «Ледовом» он оказался через сорок минут, попав в окружение друзей за десять минут до начала матча.

В то же самое время Борис Аркадьевич Скрипник в глубокой задумчивости стоял напротив витрины с чилийскими винами. В его продуктовой корзине уже лежали банка оливок и нарезанный твердый сыр, замечательный продукт импортозамещения. Выбор колебался между красным сухим и полусладким. Он мучительно вспоминал, что же обычно

пьет Ленка – и что же Ленка обычно пьет по пятницам. Помучившись некоторое время, взял то и другое. А потом, вздохнув, добавил к покупкам бутылочку виски и медленно направился к кассам.

Спустя час он стоял у дома художницы, у парадной, и докуривал сигариллу, поглядывая на потемневшее небо. Накрапывал дождик. Окно на кухне у Лены темнело, в комнате же, по-видимому, было включено настенное бра: сквозь шторы на улицу пробивался приглушенный свет.

Борис не очень понимал, почему не торопится подниматься. С одной стороны, еще ни к кому он не испытывал такого влечения, как к ней, а с другой – он очень боялся ее. Ее переменчивого настроения. Ее иронии… Выкинул остатки сигариллы в урну и, выдохнув в питерскую морось, зашел в парадную.

В это же время Орлова в квартире у Аблокатова налила себе мартини и с ногами забралась в кресло. Костя принимал душ, а Оля тем временем переключила телевизор, с хоккейного матча на музыкальное шоу. Поднесла к губам бокал для первого пятничного глотка – и тут на ее розовый, с серебристыми висюльками телефончик прилетел звонок от мамы. Вскочила с кресла, зачем-то подбежала к окну, затем вернулась и взяла трубку.

– У тебя все в порядке?

Ни здрасьте вам, ни пожалуйста.

– Привет, мам! Да, все отлично!

– Ты дома?

Орлова сделала паузу.

– Да, мам.

Она же не спросила, у кого дома? Дома. У Аблокатова.

– Как Кирилл?

Опять пауза.

– Кирилл отлично, мам.

– Врешь. По голосу слышу. Бросил?

– Мам…

Из ванной появилось тело Аблокатова с намотанным на бедра полотенцем.

– Ваша очередь, мэм! – закричал он, а Ольга зашипела на него, показывая на телефон.

– Кто это там у тебя? – не преминула воспользоваться моментом мама.

– Да никого, мам, телек!

– Не кричи на мать!

– Это ты кричишь!

– С тобой невозможно разговаривать!

Раздались гудки: мама повесила трубку. Разговор закончился, как обычно. Орлова все-таки глотнула мартини и молча уставилась в телевизор.

– Ваша очередь, мэм… – уже тише повторил Костя, а Орлова, серьезно взглянув на его оголенный торс, сказала тихо, полушепотом:

– Костик, будь другом, вызови мне таксо…

– Комфорт или эконом? – так же тихо поинтересовался Костя. Полотенце с мягким шелестом упало на теплый пол, оставив Аблокатова полностью обнаженным. В таком виде он и отправился к телефону.

Через сорок минут Орлова вошла в свою квартиру на проспекте Мориса Тореза. В тишине ее жилища очень хорошо слышалось мяуканье соседской кошки. А потом его заглушили звуки набирающейся ванны.

А Витя и Вася в это время только выходили из офиса. Они пока не заработали на личные автомобили, поэтому их путь лежал не через паркинг, а через парадный вход, прямо на улицу. На выходе из бизнес-центра парочку попытался сцапать сидящий без дела секьюрити.

– Вы чего так поздно, хоббиты? – нагло спросил он.

– Да вот, думали – проскочим, когда все орки уснут… – огрызнулся Вася. – А один не спит чего-то…

Прошли через турникет и оказались на улице.

– Ты свет выключил? – чуть нервно спросил Витя.

– Да, – устало ответил Василий.

– В третьем вроде еще горел…

– В третий я не лазил. Там новенькая оставалась вроде. Остальные разбежались.

– Странная она какая-то… – Витя украдкой взглянул на собеседника.

– Нормальная девка.

– Общался?

– Да. Пару раз. Немного простовата для юристки… – Василий протер чуть воспаленные глаза. – Даже не так… Наивна, что ли… Так точнее.

– Разве?

– Ну, показалось.

– Новенькая… Просто не вписалась еще. Стесняется.

– Может быть. – Впервые за день рекламщик не стал спорить.

Незаметно они подошли к метро. Василий протянул руку для прощания, а Виктор от неожиданности молча пожал ее. Потом спросил:

– Ты чего, не поедешь?

– Не. Прогуляюсь. Пока. До понедельника.

Витя удивленно посмотрел на друга и направился к входу в метро. Вечер пятницы плавно перетекал в ночь.

6

На следующий день, в субботу, к обеду Дмитриевский подвез свое семейство к дому родителей, и они начали потихонечку выгружаться на разбитый асфальт внутриквартального проезда. Дмитриевский ворчал на неудачно припарковавшуюся «мазду», занявшую сразу два места, а Ирка – на заснувшего по дороге сына. Так, в синхронном ворчании, они и вошли в скромную родительскую трешку. Родители Дениса, папа Александр Сергеевич (пенсионер) и мама Ольга Александровна (работающая пенсионерка), всегда радовались их приходу (в большей степени внукам, как казалось Денису), и внуки отвечали деду с бабой такой же радостью, зная – их наверняка ждет что-нибудь вкусненькое.

Отец сидел в гостиной, на диване перед телевизором, на экране которого два импозантных джентльмена играли в снукер. Плоская панель «Самсунга» была вмонтирована в темно-коричневую стенку, занимавшую всю стену, а перед диваном стоял заваленный газетами длинный низенький стол. Правую часть стенки занимали отсеки платяных шкафов, и из одного из них наружу выглядывал уголок клетчатой рубашки.

Дети разбежались по квартире, а Дмитриевский прошел в гостиную, приветственно кивнув бате. Тот кивнул в сторону шкафа и проговорил хмуро:

– Штучка торчит…

Денис не сразу понял, в чем дело. А потом, догадавшись, подошел к шкафу.

– Не люблю, когда штучки торчат… – продолжил гнуть свою линию отец.

– Чего, убрать? – спросил Денис, улыбнувшись.

– Уж будь любезен.

Дмитриевский заправил в шкаф торчащий кусочек рубашки и сел рядом с отцом.

– Трамп Дональдсона разносит, – кивнул тот в сторону играющих мужиков. – Щепа летит…

– А футбола нет? – спросил Денис: он не очень-то любил снукер.

– Уфа с Мордовией мучаются, по спутниковому. Включить? – улыбнулся папа.

– Только не это.

– Ну, тогда не выступай.

В гостиную забежала Лиза.

– Дедушка, – спросила она, запрыгнув ему на коленки, – а ты видел моих новых друзей?

– Нет, – ответил тот. – Как же я мог их видеть? Ты только пришла.

– Так они уже здесь были. До меня.

Фантазерка Елизавета любила всех запутать, а потом дать разгадку.

– Как это? Я бы их тогда точно увидел. И попросил посуду

помыть. А так пришлось бабушку просить…

– Дедушка, они здесь были. Вот в этом месте. – Лиза указала на кресло у окна.

– Не было тут никого, – продолжал упрямиться дед.

– Невидимки, что ли? – спросил немного владеющий ситуацией Денис.

– Да, – ответила Лиза, – невидимки. Невидимые люди. Мои друзья.

– А, понятно, – присвистнул Александр Сергеевич. – Невидимки, значит. Защитники «Зенита» твои друзья? Вчера играли – так защиту вообще не видно было…

– Ты скажи своим друзьям, – предложил отец, – пусть они в понедельник ко мне в офис приходят, я им работу дам…

– У них есть работа, – серьезно отвечала Лиза.

– Какая это?

– Конфеты кушать.

– А. Понятно. Я им тоже работу найду, – пояснил Дмитриевский. – Подпишут мне кое-чего. Проникнут в кабинет к одному дядьке и подпишут…

Лиза серьезно посмотрела на папу и убежала из комнаты на зов бабушки.

Александр Сергеевич показал на коробку в углу комнаты:

– Диня, будь другом, забери, пожалуйста…

– Что это? – спросил Дмитриевский.

– Архив твоего деда. Моего отца. Он часто говорил, что хотел бы передать это все тебе. Там и письма, и тетради с

записями, и дневники.

Дед Дмитриевского был военным моряком, подводником. Дослужившись до капитана первого ранга, в тридцать восемь лет сошел на берег и стал преподавателем в курсантском училище. Говорили, что ему совсем чуть-чуть не хватило до адмирала.

Дмитриевский оттащил коробку в прихожую, чтобы не забыть. Заглянул на кухню. Дети за столом уплетали что-то вкусное под неусыпным надзором бабушки. Ирка сидела там же. Вернулся в гостиную.

– Я маленькую принес, – сказал Денис бате, а тот, подскочив на диване, буквально вихрем улетел к холодильнику. Вернулся с закуской:

– Так тащи!

Денис достал бутылку хорошей водки из бело-зеленого полиэтиленового пакета.

А вечером, вернувшись домой, начал разбирать коробку с тетрадями деда. К полуночи инвентаризация завершилась: отложил одну тетрадь, которая показалась интереснее всех, оставил ее на тумбочке. Остальное вернул в коробку и убрал в гардеробную. Затем, вспомнив кое о чем, написал СМС Косте Аблокатову и лег спать.

Аблокатов не прочитал. Он уже спал как сурок. Увидел письмо лишь в воскресенье утром. Дмитриевский просил его в понедельник как можно раньше решить вопрос с начальником одного из земельных департаментов. Пройти через

офисную бухгалтерию, взять финансирование, поехать и решить. А Костю с утра в понедельник с надеждой и нетерпением ждали уже по двум адресам… Однако он ответил «ОК» на зов шефа и пошел на кухню варить себе кофе.

«Разберемся, – проворчал голосок у него в голове, – разберемся. Успеем».

А в полдень понедельника бледный, как папиросная бумага, Аблокатов ерзал на стуле напротив Дениса, глядя вниз, на краешек торчащей из-под стола черной пластиковой урны. На диване, кроме обычного там в последнее время Бориса Аркадьевича, сидел Марат Забирохин, представитель ООО «Щит», фирмы, курирующей их по линии безопасности.

– Костя. Ты пришел в бухгалтерию, взял конверт с двадцатью тысячами евро и пошел к себе в кабинет?

Денис смотрел на бледное лицо Аблокатова, а тот – вниз, на краешек мусорного ведра.

– Да.

– Там из твоих были только Комаров и новенькая.

– Да.

– Поехал на Стачек, Комарова отправил на Зодчего Росси, а новенькую – с конвертом к дяде Ване?

– Да.

– И ничего не екнуло?

Тут проснулся безопасник:

– Денис! Какая, на …, разница теперь, что у кого екало? Задача проста до неприличия. Найти девушку и конверт. По-

тому что, как я понимаю, до дяди Вани он не доехал. Так?

Все посмотрели на Дениса.

– Не доехал, – ответил тот и нахмурился.

– Это точно? – переспросил Марат.

– Я знаю дядю Ваню пятнадцать лет. И все его хитросплетения тоже.

– Ну, тогда, собственно, нам нужно чуть-чуть побольше информации об этой вашей новенькой. Как там ее зовут? – Марат посмотрел на Дмитриевского.

Денис после небольшой паузы переадресовал вопрос Борису Аркадьевичу. А тот, в свою очередь, посмотрел на Костю. Костя же молчал, бледнея еще больше.

– Охренеть! – выкрикнул Забирохин. – Вы чем здесь занимаетесь?

Вызвали кадровичку Любу. Та пришла через пять минут с тоненькой папкой личного дела в руках и, протянув ее Дмитриевскому, пробормотала как бы невзначай:

– Говорила же… Не слушали меня…

– Копия паспорта, копия диплома, трудовой договор, – Денис перечислил содержимое папки и протянул ее безопаснику. Марат вытащил черно-белые листы копии паспорта.

– Марианна Ро, – проговорил он, – зарегистрирована в поселке Коммунар, на улице Садовой. В доме три.

– Марианна Ро? – переспросил Борис Аркадьевич, не вставая с диванчика.

– Борис Аркадьевич, – повернулся к заму Забирохин. –

Ты меня спрашиваешь, как зовут твою же сотрудницу. Причем я только что назвал ее имя, прочитав эту крайне плохую копию… Как вы вообще могли отдать конверт с двадцаткой евро девушке, зарегистрированной в поселке Коммунар?

– А ты-то сам где зарегистрирован, юморист? – бросил слегка рассерженный Борис Аркадьевич.

– На улице Беринга, – невозмутимо отвечал Забирохин. – Великого мореплавателя и путешественника.

– Так я и думала… – проворчала Люба. – Чувствуется этот островной снобизм… Жители Васильевского – удивительные, конечно, создания…

– Любовь Михайловна, ты свободна, – прервал Дмитриевский ее биолого-географический анализ. Забирохин же завелся; видимо, тема была для него больной:

– Конечно, Любовь Михайловна, удивительные! Ведь окружающая среда накладывает свой отпечаток. Для кого-то окружающая среда – залив и набережная Смоленки, а для кого-то – ларьки на пересечении Стойкости и Симоняка…

– Вот засранец! – буркнула Люба, двигаясь к двери. – Ну и память…

– Так, ладно, ребят, давайте к делу. – Борис Аркадьевич чуть привстал с диванчика и поменял позу на более удобную.

– Да, – согласился Марат. – Мне нужна совершенно обычная информация о вашей этой Марианне Ро. Где она живет. Понятно, что не в Коммунаре. Я, конечно, туда народ отправлю проверить, но факт, что не там. Я думаю, по этому

адресу двести человек зарегистрированы. С кем она общалась?

– У Орловой месяц работала. – Дмитриевский взял телефон. – Там, с девчонками, наверное. Больше ни с кем.

Набрал Орлову. Та не отвечала.

– В суде, наверное… – Денис посмотрел на Скрипника, как будто ожидая поддержки. Тот же молча сверлил взглядом коротко стриженный затылок Аблокатова.

– Давайте так… – Марат решил взять руководство в свои руки. – Борис Аркадьевич, ты опроси девок Ольгиных. Денис, а ты отправь айтишника поковыряться с ее компьютером, может, есть чего. А я пока съезжу к корешам в РУВД, пошепчусь да пробью ее по базам. Сбор здесь же через два часа. Если, конечно, сама не объявится.

Набрал Марианну.

– Выключен, – констатировал Забирохин. – Все, друзья, по коням.

И, взяв с собой папочку с документами, вышел из кабинета. После его ухода на минуту воцарилась полная тишина. Потом ее прервал Аблокатов:

– Опер, что ли? Бывший?

– Да, – ответил Борис Аркадьевич.

– Кокаин не подбросит? – попытался разрядить обстановку Денис.

– Денис Александрович, опер – не синоним слова «подлец». Так, чтоб ты знал… – Борис Аркадьевич был непроби-

ваем в своей серьезности.

– Ладно, – буркнул в ответ Дмитриевский. – Разбежались.

Через два часа вся компания собралась вновь, единственная разница – к ним добавился компьютерщик Витя. Марат начал опрос со Скрипника:

– Борис Аркадьевич, чего там у тебя?

– Сейчас в офисе только две девчонки-судебницы. Они с этой Марианной не общались. Остальных опросил по телефону. Вика и Катька тоже не общались, а вот Ксюха пару раз ходила с новенькой на обед. Адреса проживания не знает. Но говорит, что где-то по ее ветке метро. По ее направлению. Это либо «Ладожская», либо «Большевики».

– Ага, – проворчал Марат. – Либо «Улица Дыбенко». Или «Новочеркасская».

– Не. На «Дыбенко» как раз Ксюха. А новенькая где-то совсем рядышком, с ее слов.

– Понятно. Витя? – Забирохин посмотрел на компьютерщика.

– Вообще ничего. – Тот развел руками. – Такое ощущение, что она комп не использовала. Последние файлы месячной давности декретницы этой вашей, Вероники. И временные файлы интернет-страниц – старые…

– У нее свой ноутбук, – тихо проговорил Костя, и вся компания молча уставилась на него. – Чего вылупились? – проворчал он. – С утра ей задачу ставил – обратил внимание. Хороший, мощный, маленький такой ноутбук…

Скрипник выругался, а Денис с надеждой посмотрел на Забирохина. Тот тоже был невесел:

– Паспорт левый. Женщины по имени Марианна Ро, родившейся в поселке Добрянка Пермского края 15 августа 1987 года и зарегистрированной в поселке Коммунар Ленинградской области, не существует.

– Существует, Марат Станиславович, – ляпнул Витя, – я сам ее видел…

– Ты видел девушку, которая представляется Марианной Ро. Документы себе каким-то образом сделала…

– Витя, а не пойти ли тебе… – начал было Дмитриевский, но тут его прервала Орлова, заглянувшая в кабинет:

– А, вот вы где все собрались! Что вы здесь замышляете? Дворцовый переворот?

Настроение у нее было хорошее; видимо, утренний суд прошел удачно.

– Что, выиграла? – поинтересовался Денис. А Витя, который уже было приподнялся со стула, снова сел, поняв, что выпал из поля зрения шефа.

– Ага! – улыбнулась Ольга. – Там от этих деятелей кореец какой-то рубился, жесть вообще… Была бы позиция послабее – неизвестно, как закончилось бы… А вы чего такие хмурые?

Марат погрузил ее в ситуацию.

– Расскажи все, что знаешь об этой Ро, – закончил он.

Ольга села на стул справа от Аблокатова и, задумавшись,

убрала за ухо выбившуюся прядь волос. Дмитриевский посмотрел на Ольгу и, откинувшись в кресле, потянулся за сигаретами. В его мыслях не было паники или страха. Просто усталость. И каждый день в эту копилочку падали новые капли. Непривычно. Обычно трудности и перипетии лишь усиливали мотивацию и оптимизм. У Аблокатова же внутренний голосок поднялся до писка и верещал что-то вроде: «Костик! Смотри, главное, чтобы на тебя все не развернули! Следи за ними. Особенно за оперком». И он бледнел еще больше, не справляясь с этим внутренним балаболом. Наконец Ольга выдала:

– Ну чего, училась в универе, хорошо вроде, знания очень мощные, но теоретические все. Память феноменальная или близкая к этому. Помнит много нормативки и учебной макулатуры. А на практике не очень получалось. Я ее поэтому и спихнула Косте… Ей в процессы нельзя, она там начинает судьям лекции читать.

– Да, практика у нас сильно отличается от теории… – шепнул Аблокатов, вторя голоску в своем сознании.

– А живет где, знаешь? – спросил Забирохин.

– На Малой Охте где-то. Недалеко от «Новочеркасской». В хрущевках там снимает то ли однушку, то ли комнату…

– Интересы, хобби?

– Не знаю.

– Жидковато.

Забирохин направился к двери.

– Ты куда? – спросил его Денис, понимая, что задает риторический вопрос.

– Работать, – предсказуемо ответил тот. Голубые глаза Марата горели огоньком интереса. Оно и ясно: случай редкий, а успех обещает премию.

В кабинет влезла голова рекламщика Васи:

– Витя, у тебя телефон трезвонит без конца, ты его на столе забыл. Мама вроде…

– Витя? Ты еще здесь? – удивился Денис, посмотрев на компьютерщика.

В итоге народ рассосался, и через пять минут в кабинете остались только Денис и его заместитель.

– Ты думаешь о том же, о чем и я? – Дмитриевский посмотрел прямо в глаза Бориса, а тот испуганно завращал ими, не зная, что ответить. Думал Борис о вчерашней ночи и о том, как Ленка стояла у открытого окна, обнаженная, с сигареткой, и лунный свет ласково поглаживал ее грудь. Потом она вернулась в постель, а к окну отправился уже Борис. Уснули они ближе к трем.

– Двадцатка до дяди Вани не доехала. Но это еще не значит, что наши обязательства перед ним исчерпаны. Дядя Ваня подписал постановление, и мы его вчера благополучно забрали из канцелярии. А расчет так и не произведен. Нехорошо.

Скрипник выдохнул с облегчением:

– Это да.

– Твои мысли? Что там с наличкой?

– Не очень-то…

– Тогда займись, а… Поскреби по сусекам… А я схожу перекушу.

Денис вышел из офиса и, перейдя улицу, завернул в кафешку «Сьерра» в здании напротив. Ему повезло: Замятина только начала поедать свою солянку, и у Дениса появлялся шанс весело провести обеденный час.

– Здесь свободно, мэм? – спросил он, разглядывая новые часы Валентины. – Чего, договорилась все-таки с москвичами?

– Даже если я скажу «занято», думаю, вряд ли тебя это остановит, не так ли? Москвичей взяла! Не будешь подавать на меня в суд за это?

– Как знать, как знать… – негромко произнес Денис, усаживаясь напротив. – Возмещение морального взыскать с тебя, что ли… Как соляночка?

– Отменная, Денис Александрович. Рекомендую.

Он заказал себе такую же солянку и свиную отбивную в перечном соусе.

– Художника всякий может обидеть, – улыбнулась Валя.

– Какого художника? – фыркнул в ответ Дмитриевский. – Тоже мне любительница абсента…

Так, в шутливых препирательствах, прошли десять минут, и Денису принесли суп. Валентина очень легко и естественно чередовала болтовню с серьезными разговорами. Дмитриев-

ский не мог забыть, как где-то с полгода назад за таким же непримечательным обедом между парочкой шуток она втиснула вопрос:

– А ты знаешь, зачем живешь, адвокат дьявола?

Он тогда поперхнулся от неожиданности, а Валентина оставалась более чем серьезной:

– Я в книжке одной читала. И теперь забыть не могу. Мы живем не только для того, чтобы кушать, пить и заниматься сексом…

– Конечно, нет, – попытался отшутиться Денис. – Не забывай про керлинг! Есть, пить, заниматься сексом и играть в керлинг!

– Не только! – не унималась Замятина. – Каждый человек – это целая россыпь талантов. Только мы можем не знать про них. Или знать про какие-то… Но у каждого есть один, главный талант… Самый мощный… Мы должны найти то, для чего предназначена наша жизнь. Искать и найти. Понимаешь? А если сами не будем искать, то жизнь так или иначе нас направит именно туда. Пока мы не усмирим гордыню и не возьмемся за дело…

Серьезное заявление, подумал тогда Денис, а Замятина тут же вытащила на свет божий шутку про трех евреев. На том и кончился разговор. А сейчас она уже прикончила солянку и попросила официанта принести ей кофе.

– Как бизнес, друг мой? – спросила Замятина, как будто увидев что-то в усталых глазах Дениса. – Приторговываешь

правосудием?

Дмитриевский провел рукой по трехдневной щетине, вздохнул и вкратце рассказал о делах; кроме, конечно, последнего эпизода, который пока должен был оставаться внутри маленького социума их фирмы. Хотя, подумалось ему, там уже столько народу в курсе – наверняка в ближайшее время всплывет. Будет еще один повод для шуток.

Замятина выслушала Дениса без особого энтузиазма.

– Да уж, – отозвалась она, ухмыльнувшись, – с подводной лодки сложно сойти, если она уже погрузилась. Может, тебе всплыть, дружочек? Выйти на капитанский мостик и подышать?

Денис, несколько удивленный такой метафорой, открыл было рот для ответа, но его прервал телефонный звонок Орловой.

– Денис, ты когда вернешься? Я хочу отъехать через часик, надо поговорить.

– Через полчаса буду, – ответил он и положил телефон на стол.

Замятина, прищурившись, смотрела в свою чашку, что-то выискивая в кофейной гуще.

– Гадаешь, мать? – съехидничал Дмитриевский. – Где там твои женихи-то?

Она подняла свои удивительные карие озера на Дениса, кокетливо откинула со лба прядь черных как смоль волос и с абсолютно серьезным и грустным видом заявила:

– А мне не нужен никто. С тех пор как ты шесть лет назад вероломно женился на Ирке, мне никто не нужен. Гоню всех… Одна ребенка воспитываю…

Дмитриевский вылупился на нее, открыв рот, а Замятина, выдержав секунд двадцать, все-таки захохотала, привлекая к себе взгляды посетителей ресторана.

– Поверил! – смеялась она. – Поверил, а!

Денис выругался и принялся доедать суп.

Валя все продолжала смеяться. Потом вдруг притихла.

– Я артисткой мечтала стать. В детстве. Терехову как увидела в мушкетерах… Миледи…

– А чего не стала?

– Мама… А ты?

– Чего? – спросил Денис сквозь бульканье супа.

– Кем мечтал стать? В детстве?

Денис глубоко задумался. Он не привык к таким вопросам. Особенно от Замятиной.

– Космонавтом, – спустя какое-то время ответил он.

– Да ладно?! – засмеялась Валентина. Дмитриевский тоже улыбнулся.

– Да уж, загнул. Сыщиком хотел. Детективом…

– Шерлока Холмса посматривал?

– Ага…

Замятина с трудом, но все-таки покончила со своим кофе (смех еще некоторое время управлял ее физиологией) и убежала в офис, оставив Дмитриевского наедине с только что

поданным горячим. Доев отбивную, Денис написал СМС дяде Ване, извинился за технический сбой в процессе и подтвердил чуть более позднюю доставку посылки.

«Бывает, – прилетело в ответ. – Жду».

Вернулся в офис. У кабинета терлась Ольга, нетерпеливо ожидая его.

– Забыла кое-что, – начала она с места в карьер, – про новенькую-то. Думала тебя не дергать, но Марата тоже нет, телефон у него вырублен, а у этого старикана, – она кивнула в сторону кабинета Скрипника, – только молодые художницы в голове. Скажу – и через пять минут все вылетит в другое ухо…

Взгляд ее переместился вниз, и она, как будто вспомнив еще что-то, проговорила тихо:

– Вот блин, каблук сломала с утра, пришлось в суд в балетках топать…

– Не отвлекайся, – прервал ее Денис. – Что там у тебя?

– В пятницу ближе к обеду я ей сказала, что ее переводят в отдел Аблокатова. И она тогда вот, в первый раз на моей памяти, проявила какие-либо эмоции. Заревела. И сказала, мол, у метро «Новочеркасская» живет какой-то бездомный дядька. И этот дядька – лучший из всех людей, с которыми она за месяц тут общалась. Мол, мы, типа, все того… Что лучше, типа, общаться с бомжом…

Дмитриевский задумавшись, почесывал щетину:

– Знаешь, что из этого следует, звезда моя?

– Что?

– Во-первых, она только месяц в Питере, а во-вторых, у нас есть мостик. Бездомный такой, немытый мостик. Сейчас поедешь, найдешь этого бродягу и доставишь в офис.

Денис серьезно посмотрел на Орлову.

– Не, Денис… – улыбнулась она. – Я не могу… В балетках…

– Ладно, – согласился тот, – я сам.

7

Ближе к четырем часам вечера Аблокатов, вырулив свой темно-серый японский шлюп с тесной и неудобной парковки администрации Центрального района, направился в аэропорт. Прилетал из Новосибирска его двоюродный брат с женой.

«Очень вот кстати… – бормотал ехидный голосок в голове. – Делать больше нечего, как к функциям решалы добавлять еще и полномочия экскурсовода…»

Родственники объяснили свой визит по-сибирски прямо: октябрь у вас, в Питере, выдался теплый, а у нас отпуска; короче – едем. И приехали. Точнее, прилетели. Точнее, прилетали в 17.10, и Косте уже не было смысла возвращаться в офис, тем более что все текущие задачи можно отследить по телефону, а основная проблема – с новенькой-потеряшкой – решалась без него. И он, включив погромче «Металлику», отправился в путь.

В это же время Дмитриевский, который так и не дозвонился до Забирохина, изучал окрестности станции метро «Новочеркасская». Интересные места. Станция без вестибюля вытекала на поверхность планеты девятью-десятью выходами, делая круг по Заневской площади. Дмитриевский, оглядев это безобразие, решил последовательно проверить каждый выход, за исключением тех, которые вели на трамвай-

ные остановки. Поднимался, осматривался и, не находя ничего мало-мальски похожего на рассказ Орловой, спускался обратно под землю. Сделав два круга, решил перекурить и пройти чуть вглубь квартала от станции метро. Пройдя метров двадцать, Денис остановился рядом с двумя мужчинами, которые пили пиво рядом с ларьком-шавермой, и, попросив у них прикурить, приветливо улыбнулся:

– Ребят, вот если бабла совсем мало, куда здесь можно зайти водочки выпить?

Те непонимающе оглядели его, пялясь в основном на черную кожаную куртку, и потом один из них, лысоватый, в черной же косухе, будучи, видимо, посмекалистей, предложил:

– Давай мы тебя доведем, а ты нас угостишь?

– Давай! – с легкостью согласился Денис, и они направились обратно к метро, чтобы по бесконечным переходам выбраться на другую сторону улицы. Прошли метров пятьдесят по проспекту и очутились у входа в рюмочную, не озаглавленную почему-то даже скромной надписью «кафе» или что-то в этом роде. Столиков пять, занятых – три. Многие мужики, выпив рюмашку, выходили на улицу, курили и грелись на солнышке, чтобы через какое-то время вновь нырнуть внутрь, за еще одной порцией счастья.

Денис, купив выпивки и по бутербродику со шпротами на закуску, пригласил новых друзей за только что освободившийся столик у окна.

– Не… – пробасил в ответ на приглашение второй муж-

чина, крупный, седовласый и загорелый, как будто только с курорта. – Это Андреича место. Он сейчас перекурит и вернется. Давай лучше туда. – Он мотнул головой в сторону свободного места у противоположной стены.

Выпили. Закусили. И Дмитриевский решил сразу взять быка за рога:

– Мужики, буду с вами честен, у меня конкретная задача, и я пока не очень понял, как ее решить.

– Да мы уже поняли, что ты сюда не просто выпить зашел, – ответил лысоватый. – Чего случилось? Не держи в себе… Разорвет!

Денис улыбнулся и вкратце объяснил мужикам, что ему здесь нужно. А точнее – кто. Те, помялись немного, и за ответ опять принялся облысевший:

– Слушай, мы здесь каждую травинку не знаем… Мы не отсюда. С завода. С «Буревестника». У нас как смена заканчивается, мы по пивку с Серегой берем и, так сказать, ведем культурно-бытовое общение.

– Правильно, мужики! Правильно делаете! Но наверняка здесь-то есть кто-нибудь, кто всех и все знает. А вы, может быть, знаете его… Мы его угостим… Что скажете?

– Ну не знаю… – засомневался лысый. – Не знаю…

Загорелый же, Серега, оказался более сговорчивым:

– А как же Андреич? Он отсюда. Здесь, на Малой Охте, родился, вырос… И, по-моему, ее пределов никогда не покидал.

И потом добавил, чуть задумавшись:

– А нет, покидал… Один раз его в армию забрали, на границу с Норвегией. Родину охранять. А второй – когда сидел за кражу, под Воркутой. Охраняли от него родину.

Андреич тем временем вернулся на место дислокации, пройдя через барную стойку, и ребята, также обновив себе напитки, попросили разрешения присоединиться к нему. Тот, немного удивленный вниманием, согласился. Дмитриевский описал задачу. Андреич, все внимательно выслушав, выпил стопочку, выдохнул в рукав и предложил выйти на воздух.

– Душно здесь, у Гальки, – объяснил он. На улице заговорил: – Значит, смотри. Постоянных в районе двое. Один трется у библиотеки. Вон, напротив. – Он показал пальцем на противоположную сторону проспекта. – Там тетки его подкармливают, книжки дают читать. А второй в основном по переходу болтается. А на ночь уходит в сторону моста, там в домах есть еще открытые подвалы. Пошли опросим их.

– Давайте еще по одной дернем, на дорожку… – взбунтовался Серега. – И пойдем…

– Тоже дело, – согласился Андреич, – Иди банкуй, мажор…

И Дмитриевский направился к затаившейся за прилавком Гале за новой порцией огненной воды. Выпили. Закусили. И направились к подземному переходу.

Компания нашла того, кого искала, достаточно быстро,

спустившись и пройдя два пролета налево. Мужчина в полудреме сидел на коробке из-под книг, полученной, видимо, тут же (неподалеку расположился книжный ларек). Он спал или просто сидел с закрытыми глазами, крепко задумавшись о чем-то. Серега решил с силой растолкать незнакомца, не побоявшись притронуться к давно не знавшему стирки свитеру. Это оказалось ошибкой. Дядька отреагировал мгновенно: открыл глаза и заорал что есть мочи что-то неразборчивое. Чем и привлек внимание проходящих мимо полицейских. Двое молодых ребят, патрулирующих станцию, приблизились к их группе, и один из них – крепенький блондин небольшого росточка – предложил предъявить документы. Оценив диспозицию, бродяга сделал свою речь более разборчивой.

– Начальник, убивают! Грабят! – завопил он.

– Помолчите, любезнейший, – предложил ему второй полицейский, высокий, статный парень. – Сами разберемся. Так что с документами?

Он невозмутимо посмотрел на ребят. Мужчины вытащили паспорта, Дмитриевский – водительское удостоверение. Но это ровным счетом ничего не меняло. Высокий коп саккумулировал все документы у себя и, даже не открывая их, предложил компании проследовать за ним в местную комнату полиции. Работяги начали возмущаться, а Дмитриевский, немного расслабленный выпитой водкой, наоборот, наблюдал за происходящим с плохо скрываемым интересом. По-

следний раз такие приключения выпадали на его голову в далекие студенческие девяностые.

Проведя компанию в местный красный уголок – небольшую комнатку, содержащую в себе два письменных стола, стулья, лавку у стены и подобие камеры, называемой в народе «обезьянник», – высокий полицейский предложил им сразу последовать туда, в таинственный полумрак камеры. Закрыв друзей на ключ, полицейские сели за стол, и высокий предложил блондину:

– Административку сделай. Распитие спиртного в общественном месте.

– Они же вроде не пили? – блондин пытался отпираться, видимо, писать ему было лень. – Может, так для профилактики посидят?

– Нехорошо… Вдруг Саныч приедет. А у нас здесь такие красавцы так сидят…

– Там один мажористый какой-то… Видел? – Блондин взял водительское удостоверение Дмитриевского и начал его рассматривать.

– Нет перед Богом ни мажора, ни работяги – все одно… – тихо проговорил высокий коп, а его коллега фыркнул недовольно:

– Опять ты за свое…

И начал заполнять протоколы.

В обезьяннике обнаружился еще какой-то молодой парень, видимо, студент, который не доехал домой после пары.

Возрадовался прибытию новых гостей:

– Мужики, есть у вас чего?

И подсел поближе, с интересом рассматривая Дмитриевского.

Серега достал из черной сумки начатую банку «Охоты».

– Спасибо! Хорошо, что у вас не изъяли вещи…

Студент после большого глотка вернул банку владельцу. Серега предложил выпить и Дмитриевскому. Тот не отказался. Глотнул, чуть поморщился. Поймал себя на мысли, что давно не пробовал подобного, и улыбнулся ей.

– А у тебя изъяли? – спросил Денис.

– Ну да. Зажигалку «Зиппо» и пачку «Петра I».

– Фигово, – резюмировал Серега.

– Да уж. Хорошего мало.

Студент с грустью посмотрел на стол, за которым блондинистый полицейский заполнял протоколы. Именно там и нашли временное пристанище зажигалка и пачка. Продолжал время от времени ворчать, то повышая голос, то скатываясь на шепот. Дмитриевского клонило в сон. Мужики рядышком переговаривались, тихонечко обсуждая политическую обстановку. Но тут новое обстоятельство мгновенно как рукой сняло сонливость Дениса. В комнате полиции появился Марат Забирохин. Дмитриевский вжался в стену, изображая хамелеона. Появление Марата не произвело фурора: блондин даже не поднял голову, продолжая старательно заполнять бумаги, а высокий выдавил из себя:

– О, товарищ майор… С чем вы сегодня к нам? Что принесли? Пшеничные краюшки? Тридцать серебряников?

Блондин фыркнул, а Марат спокойно сел на пустующий стул; видимо, давно знал ребят и их подколы.

– Сашок, – обратился он к длинному копу, – ты все не угомонишься?

– Я уже давно угомонился, Марат… Видел бы ты меня лет десять назад…

– Да видел, видел… – улыбнулся Забирохин.

– Ну да, точно.

– Саша, девицу одну ищем. – Марат положил перед Сашей распечатанную на простом принтере в формате А4 фотку новенькой. – Живет где-то рядом с метро, в хрущевке. Снимает. Пошукайте…

Марат вытащил из бумажника пару купюр. Блондин мельком взглянул на происходящее, и рука его автоматически забегала быстрее. Взялся за третий протокол. Забирохин исчез так же быстро, как и появился.

Компанию выпустили минут через пятнадцать. Каждому из подвыпившей тройки раздали по протоколу об административном правонарушении, заставив расписаться в нескольких местах. Потом высокий, Саша, предложил им удалиться:

– Извиняйте, если что не так. Есть жалобы или предложения?

У Дмитриевского было одно интересное свойство. Когда

он выпивал (причем именно водку с пивом, неважно, в каких пропорциях), у него всегда рождались четверостишья, причем первые две строчки – одни и те же, а вот две завершающих менялись в зависимости от ситуации и собеседников. Поэтому вместо жалоб и предложений у него вырвалось:

– Из избы торчит труба. Век торчит. А может, два. Из трубы идет дымок. Помолился бы, Санек…

Саша покосился на него и сказал тихо, чтобы никто более не расслышал:

– Я молюсь, мажорик… Беспрестанно молюсь. Но молитва мертва без действия… Все. На выход.

На прощанье Серега показал Денису, как прийти к библиотеке, где, возможно, находился второй бездомный, который мог привести Дмитриевского к его цели. Пояснил:

– Мы не пойдем с тобой. А то так домой-то и не доедем. А надо… Чего ты там такое про Санька залепил? А еще можешь?

– Не вопрос, – улыбнулся Денис. – Из избы торчит труба. Век торчит. А может, два. На душе моей тревога: не бухал бы ты, Серега…

Серега протянул ему руку и снова направился вниз, в метро. Пошел за ним и его коллега. Денис же поплелся к библиотеке. И действительно, чуть левее входа, метрах в пятнадцати, на аккуратно расстеленной картонке примостился мужчина. Род занятий наложил отпечаток на его внешний вид, поэтому возраст можно было определить лишь пример-

но, где-то от сорока до семидесяти. Мужчина сидел, прислонившись к стене дома, и читал книгу, видимо, подсунутую в библиотеке. Рядышком стояла литровая пластиковая бутылка, наполовину заполненная какой-то желтой жидкостью.

– Отвлеку? – спросил Дмитриевский. Мужчина поднял на него воспаленные, красные глаза:

– Уже отвлек.

Денис разглядел название книги: «Молот судьбы». Улыбнулся и вкратце объяснил собеседнику ситуацию. Тот нисколько не удивился:

– Понимаю, о чем ты. Мариша. Был у нее. Разрешила помыться.

– Да ладно – Мариша? – не поверил Денис. – Марианна вроде…

– На русский манер. Какая там, на фиг, Марианна? Мариша.

– Проводи, а? Будь другом… А я тебе гардероб обновлю…

– Ты мне лучше бар и библиотеку обнови. А то что пью, что читаю – … какую-то.

Дмитриевский надолго задумался. Затем встрепенулся:

– Прошу прощения, а как я могу к тебе обращаться?

– Как хочешь, а зовут меня Василий Василич.

– Василий Васильевич, давай так: ты проводишь меня до квартиры. Если Мариша дома – тут же выделяю тебе финансирование. И на бар, и на библиотеку. Идет?

– Пару сотен вложи авансом, чтобы легче передвига-

лось…

Денис, поковырявшись в кошельке, вытащил необходимую сумму и, отдав ее Василию, отошел в сторонку, стараясь не мешать подъему. Спутник встал, отряхнулся для виду и потопал куда-то внутрь квартала, во дворы. Шел он бойко, Дмитриевский с трудом поспевал за ним. Пройдя по диагонали через детскую площадку мимо справляющего нужду бульдога и пары контейнеров, доверху набитых мусором, Василий Васильевич остановился у второй парадной старенькой, потрепанной хрущевской пятиэтажки. Обернувшись, посмотрел в глаза Денису, хитро прищурился:

– У тебя фамилия как?

– Дмитриевский.

– Поляк, что ли? Так и знал… Будешь смеяться, но я Сусанин. Василий Василич Сусанин. Хочешь, паспорт покажу…

– У тебя паспорт есть? – спросил Дмитриевский

– Нет, – ответил тот. – Не страшно, полячок?

– Мне последний раз страшно было, когда два комитета сливались. Земельный и имущественный. Страшно – жуть, аж зубы стучали… А это все детский сад… Веди давай.

Они зашли в парадную. Поднявшись на четвертый, Василий ткнул пальцем в паркетно-желтую дверь квартиры номер сорок три с беленьким дешевым звоночком.

– Финансируй – и я отступлю под натиском твоих легионов, – сказал Сусанин.

– Проверю, брат, – ответил Денис. – Не хочешь светиться

– укройся за мусоркой… Я свое слово держу.

И он позвонил в дверь. Та открылась очень быстро: либо хозяйка передвигалась с невероятной скоростью, либо квартира была очень маленькой. Перед Дмитриевским образовалось знакомое лицо, очень красивое и грустное, бледное, без макияжа, со следами слез. Светлые волосы мягко стелились по черной ткани футболки с надписью «Питер – это навсегда, детка!» и Петропавловкой на заднем плане. Дмитриевский улыбнулся и сказал строго, как и положено начальнику:

– Подожди-ка.

И отошел вглубь лестничного пролета, куда выдвинулся его провожатый.

– Василий Васильевич, полякам бы такого проводника, – сказал Денис с улыбкой, – жили бы сейчас в Евросоюзе…

– Ну, тогда слава богу, что у поляков был другой проводник… Давай сотку… Я ведь твой немой вопрос слышу…

Дмитриевский протянул тысячу и, еще раз поблагодарив Сусанина, исчез за дверью своей сотрудницы. Квартира оказалась небольшой. Маленькая прихожая, почти сразу слева – дверь в совмещенный санузел, справа – на кухню, а прямо – в единственную комнату. Но как чисто, подумал, Дмитриевский, как везде чисто. И аккуратно.

Марианна кивком пригласила Дениса пройти на кухню и спросила, глядя куда-то поверх его головы:

– Чай будете?

– А водка есть? – спросил он.

– Нет, – ответила она. – Водки нет. Чай есть. Будете?

– Да, – ответил Денис и прошел на кухню. – Но лучше водку.

– Лучше чай, Денис Александрович, честное слово…

– Ну только не надо меня учить, что лучше, а что нет… А вообще… Чай так чай, – согласился он и сел за кухонный стол. Тихо спросил у спины Марианны:

– Деньги-то где?

– В конверте. В сумочке моей. Там, в прихожей. Принести?

– Нет. Потом отдашь. Буду уходить – заберу.

Марианна поставила перед Денисом большую темно-синюю чашку, почти до краев наполненную крепким ароматным напитком. Затем добавила сахарницу и небольшую плошку с сушками.

– Слушай… – Денис глотнул чая. – А что это было вообще? Деньги дяде Ване не отвезла, телефон вырубила – все на ушах стоят. Костя вон на валидоле. Чего ты устроила? Я бегаю, бомжей коррумпирую, чтобы к тебе привели. А ты правда его домой водила? Мыться?

– Правда.

– Весело. Назови мне хотя бы одну причину, по которой я не должен тебя увольнять.

– Денис Александрович, я просто не могу делать такие вещи. Физически не могу. И душевно – не могу. Врать не могу. Лицемерить. Хитрить. Закон нарушать. У нас это не

принято. У нас по-другому учат.

– А как же ты думаешь работать-то с этим со всем, тем более в нашей сфере? Мы же с тобой в России, на дворе 2015-й. С голоду умрешь… И чего же ты тогда сразу не сказала: не повезу, мол, взятку? Это, мол, супротив моих принципов… А пропала?

– Думала, получится. Вы правильно говорите: Россия, 2015-й… Но нет. Не получилось. И пробовать больше не буду. Хотите – увольняйте.

– Ты говоришь, у вас по-другому учат. Где это – у вас? То, что ты не из Питера, я знаю теперь, а где вас таких делают? Солт-Лейк-Сити, штат Юта?

– Вы не поверите…

– Я не верю, что в однокомнатной хрущевке на Малой Охте водки нет… А больше ты меня ничем не удивишь.

– Я не с Земли, – тихо проговорила она.

– Не с Земли? – повторил Дмитриевский. – Этого мне еще не хватало… А откуда? С Луны? Назови адрес регистрации. Покажи форму девять…

– Я с Квард-Паркуса. Это двойная планета. Ваши астрономы недавно увидели нас в свои телескопы. И тем самым открыли канал. А у нас есть технологии, позволяющие перемещаться в пространстве таким образом. Я не технарь, тонкостей не знаю, знаю одно: как только нас замечают – мы получаем канал, возможность прилететь.

– Допустим, – спокойно отреагировал Денис. – Тогда по-

чему отправили тебя?

Марианна грустно улыбнулась:

– Для меня это загадка. Первый отправляемый – что-то вроде разведчика-парламентера. Кандидата выбирает программа «Миранда». Компьютер. Она же определяет и время, которое первенец проведет в гостях. Вообще я школьная учительница там. Обучаю деток.

– Ну, ты неплохо знаешь нашу юриспруденцию для училки…

– Пришлось освоить. Я же *там* учительница. А *здесь* я чему учить буду? Самой сначала выучиться нужно. Юриспруденция – первое, что пришло в голову. В прямом смысле… У нас восприятие информации немного другое, чем у вас, у людей.

– А чего ты ко мне-то явилась? Почему не в Роскосмос? Или в Роснано? Или еще куда?

– Не знаю. Тоже загадка. Первым попались. А туда не пошла, потому что они меня в психушку бы сдали…

– А я тебя сейчас не в психушку сдам, а отправлю прямиком в СИЗО на Лебедева! – заорал Денис, а Марианна, вздрогнув от крика, вскочила, едва не опрокинув стул. – Если через три минуты ты мне не нальешь пятьдесят граммов водки, я позвоню Сергею Валентиновичу, и он тебя упакует безо всяких документов, поняла?!

Марианна пулей вылетела из квартиры, а Дмитриевский, посидев немного в тишине, вдруг начал смеяться, да так, что

на клеенчатую старенькую скатерть закапали слезы.

Не прошло и двух минут, как на кухню вбежала запыхавшаяся Марианна с початой пол-литровой бутылкой водки. Брякнула на стол, убежала в комнату. Вернулась с маленькой рюмочкой и, поставив ее рядом с бутылкой, села на стул и посмотрела на шефа.

– А себе? – тихо спросил он, наливая водку.

– Денис Александрович, я не…

– Себе, я сказал!

Марианна снова умчалась в комнату и вернулась со второй рюмкой. Денис налил обоим, и они выпили – в полной тишине, не глядя друг на друга. Налил еще по одной и покосился на Марианну. Та вытащила из холодильника небольшой пластиковый контейнер с селедкой под шубой, достала пару вилок и несколько кусков хлеба. Выпили еще. Дмитриевский занюхал хлебушком и, наливая по третьей, сказал уже более спокойно:

– Давай еще раз, с самого начала, откуда ты и зачем…

– Из Сегежи. Карелия. Приехала месяц назад, – тихо проговорила Ро.

– А паспорт твой не согласен…

– Не мой. Я потеряла свой. Этот – подруги. Она тоже теряла. Потом восстановила. А потеряшку – нашла. И мне отдала. Я с ним и приехала в Питер.

– А диплом?

– Купила.

– А кто ты по образованию?

– Училка, говорю же. Работала в школе в Сегеже. В младших классах.

– И ты хочешь мне сказать, что за месяц без образования изучила юриспруденцию? – Дмитриевский подвинул ей третью рюмку.

– Денис Александрович, – поморщилась Марианна, – мне хватит, честно, я вообще не пью – меня сейчас вырвет…

– Может, и к лучшему, если вырвет… Так что с правом? Как ты его изучала?

– У меня память хорошая. Материал очень хорошо воспринимаю. Любой. Талант такой. Но я еще в Сегеже начала юриспруденцию изучать… Как учителям зарплату урезали…

– А что с конвертом? Почему не занесла?

– Не-мо-гу, – по слогам произнесла она. – Тошнит.

– Понятно, – резюмировал Денис и, выпив рюмку, встал и медленно направился в прихожую.

– Уволите?

Дмитриевский не ответил. Марианна поплелась за ним.

– А зачем ты всю эту чушь на меня вылила, про планеты какие-то? Фантастику любишь?

– Мне Орлова сказала: если хочешь Денису Александровичу понравиться – юмори, да лучше фантасмагорично. Тогда есть шансы…

Денис хмыкнул, надевая куртку.

– Деньги-то заберете? – Она протянула ему конверт. Тот молча сунул его во внутренний карман куртки и вывалился из квартиры.

* * *

Дело близилось к восьми. Аблокатов и приехавшие родственники закончили ужин и вышли на балкон выкурить по сигаретке. Ленинский проспект погружался в сумрак, его немного освещали только фары проезжающих машин.

Резко хлопнуло. Из дворов на противоположной стороне проспекта забил огромный фонтан. Видимо, прорвало трубу с горячей водой. Над землей поднимались клубы пара.

– Слышь, брательник, а ты плакался, что фонтаны в Петергофе закрыли… Вон – покруче любого Петергофа тебе фонтан!

– Да уж, – улыбнулся гость и начал звать жену, а Костя отправился звонить в аварийку.

Петербург погрузился в ночь.

Глава 2. Историческая

1

Дмитриевский не сразу отправился домой. От машины его отделяли пятьсот метров малоохтинского пространства и три кафешки. Из последнего кафе Денис вызвал водителя и, пока ждал, выпил еще немного. Он старался не фокусироваться на истории с Марианной, оставить ее на завтра, и позволил себе просто плыть по огненным волнам алкоголя, ожидая транспортировки домой. Через полчаса после звонка приехали ребята на «Шкоде», и один из них, пересев на «Порше» Дмитриевского, повез его на Петроградку. Лег в кровать Денис около часа под сонное ворчание Иры, которая не ожидала столь позднего возвращения супруга и уснула, так и не дождавшись его триумфального появления.

Утро вторника Денис провел в душе, а затем, немного освежившись и выпив крепкого черного чая, вернулся в постель. Ирка уже развезла детей по садикам и сама укатила в офис, так что Дмитриевский пребывал в одиночестве. Он отключил телефон и, закрыв глаза, попытался вернуться в сон. Но не тут-то было. Мысли его все время возвращались к вчерашнему разговору с Марианной. Позиция по ней у Дениса пока не сформировалась, и в основном именно поэтому

он не хотел ехать в офис. Но и сон не шел. Взгляд упал на тумбочку и на старую светло-коричневую тетрадь деда, которую передал ему отец. Денис взял ее, немного повертев в руках, открыл и погрузился в чтение.

Я не знаю, почему именно сейчас я сел за эти воспоминания. Идет 1982-й год, прошло уже три года, как я окончательно попрощался с флотом и с военной службой. Может быть, свободного времени стало побольше, а может быть, именно сейчас этим воспоминаниям самое время обрести свою форму на бумаге. Для кого это? Я не знаю. Детки, уже взрослые и давно самостоятельные, мало интересуются моим военно-морским прошлым, находясь в кругу собственных интересов, и, конечно, я им не судья. Внуки еще слишком малы, чтобы интересоваться этим, а когда вырастут… я даже боюсь предположить, в какой области будут их интересы. Жене? Нет: она единственный человек, который знает про этот случай. Себе? Наверное. Наверное, себе, потому что именно сейчас пришло время окончательно переосмыслить случившееся тогда и поставить наконец жирную точку во всей этой истории.

В июне 1965 года я был отправлен в Находку на повышение. Меня назначили капитаном подводной лодки К3, атомного подводного крейсера нового поколения. 13 июня я принял лодку. С утра поехал в штаб, получил ценные указания от комбрига, а потом познакомился с экипажем. Василий Петрович сказал, что предыдущего капитана Лазарева

сняли за дисциплинарные нарушения (читай – пьянство) и что команда распущена. Посмотрел, пообщался с ребятами – ничего, нормально, справимся. Старпом – капитан 2-го ранга Валентин Евсеев, и мужик толковый, и офицер что надо, видно сразу. Я собрал офицеров на палубе, объявил: у нас месяц до начала учений. Приедет все командование Тихоокеанского флота. Мы не должны ударить лицом в грязь. Вроде бы поняли. Теперь дело за мной, надо показать своим примером, как нужно работать. Потом поехал в квартиру. Пустая, без жены и детишек, навевала грусть. Нина и ребятки должны были приехать только через неделю, они в Ленинграде.

Весь месяц до начала учений мы пахали практически без отдыха. Личный состав проявил себя великолепно. Отличные ребята. И офицеры, и матросы-срочники. Видимо, Лазарев не решил вопрос с их мотивацией. Как, впрочем, и с мотивацией самого себя. А с Евсеевым подружились. Он мне очень помог в характеристике личного состава, что, конечно, было необходимо: до начала учений времени совсем немного, и неплохо понимать, кто на что способен. Евсеев показал мне город, я же познакомил его с Нинкой и детьми, ну и выпили пару раз, чего уж жеманничать.

Месяц работы пролетел быстро – 16 июля начались учения, которые предполагали семисуточное нахождение в океане и решение ряда задач, связанных с уничтожением боевых единиц предполагаемого противника. Кроме нас и нашего

замечательного агрегата, подводных кораблей было пять. Мы решали одну общую задачу по уничтожению цели, которую охраняли три ракетоносца условного противника. Еще четыре линкора бороздили выбранный для учений квадрат океана в целях нахождения лодок и их условного же уничтожения. Задачу решали общую, но у каждого подводного экипажа были и свои, частные задачи по самосохранению. Здесь уж, как говорится, кто цел остался – тот и победил, а если еще и цель поразил – так победил дважды. Боевой комплект на подлодках был ограничен, каждый из экипажей мог отстреляться только два раза: немного для обозначенной цели. Я выбрал тактику медленного перемещения по самым отдаленным границам квадрата. Радиолокационное оборудование на кораблях условного противника охватывало лишь две трети территории, выбранной для проведения учений, как, собственно, и у нас, что оставляло некие мертвые зоны, необходимые для маневра и нам, и нашему условному противнику. Некоторое время так и шли по квадрату, постепенно уменьшая периметр. На второй день учений уничтожили две наших лодки, которые, действуя в группе, с двух сторон атаковали цель, но были достаточно быстро обнаружены кораблями условного противника. Чуть приближаясь к цели и всплывая на достаточную для работы локаторов глубину, мы срисовывали картину о перемещениях кораблей и тут же уходили обратно, не давая им шансов накрыть нас торпедами. Так за три дня маневров ста-

ла понятна четкая картина перемещений кораблей противника. На четвертый день подбили еще двоих наших, они начали подходить к цели поодиночке, с разных сторон. Правда, те сумели захватить с собой два ракетоносца условного противника. Таким образом, на пятые сутки учений у нас осталось две лодки, моя и экипаж капитана 2-го ранга Скворцова. На стороне условного противника – ракетоносец и четыре линкора.

Но, как бы это ни было интересно, мой рассказ все-таки не про морские бои. Поэтому, не углубляясь в то, что тогда происходило, расскажу, чем все закончилось.

Мы со Скворцовым провели сеанс связи и договорились о тактике. Он согласился сыграть роль наживки, мне же выпала роль стрелка. В чем логика? У меня в команде был феноменальный наводчик и стрелок мичман Иванов. И вот Скворцов максимально открыто увел два корабля противника на северо-запад, моя же лодка всплыла с 70-метровой глубины на необходимые для стрельбы 15 метров в крайнюю точку, нужную для попадания в цель. Мы прицелились и отстрелялись быстрее, чем нас смогли обнаружить локаторы, а поразив цель, вновь ушли на глубину, после чего направились в порт. Скворцова и его лодку также не смогли достать – победа была полной. В порт прибыли к ночи. А с утра к комбригу. Доложились как положено, а Василий Петрович без протоколов по плечу хлопнул и меня, и Скворца – молодцы, мол. Сегодня выходной вам, и команду отпус-

кайте на берег, а завтра в учебке начнем разбор.

А еще через неделю мои документы отправили в штаб на присвоение звания адмирала. Меня на адмирала, а Скворцова на капитана 1-го ранга. Сказать, что я хотел этого, значит ничего не сказать. Грезил этим, пожалуй, с выпуска из училища имени Фрунзе, зеленым еще лейтенантом. И вот в тридцать восемь шаг за шагом, быстро, без сбоев я подошел к заветной цели, и у меня не было сомнений в ее достижении. А тут еще и отпуск дали – две недели, и мы с Нинкой и детьми отчалили в Евпаторию. Документы в штабе должны были болтаться не меньше месяца…

И тут началось что-то странное. Не успели мы приехать, не прошло и двух дней, как мне телеграмма с флота: срочно, мол, возвращайся, на лодке ЧП. Я своих оставил и обратно лечу. Информации никакой, что случилось, какое ЧП. Перед вылетом позвонил Евсееву на квартиру – не берет трубку. Видимо, на лодке.

Прилетел – сразу в порт. Лодки моей нет. Думаю, что за черт. Помчался к комбригу. Тот меня увидел – улыбка с лица стерлась, как будто и не было (я входил – он улыбался, читая газету).

– Вернулся, – угрюмо сказал он.

– Где лодка, Василий Петрович? – спросил я.

– Лодка в доке, товарищ капитан 1-го ранга, – так же угрюмо отвечал комбриг, – и вот почему. На лодке в ночь с воскресенья на понедельник произошел пожар. Выгорел весь

машинный отсек. Причина пока неясна… Но это еще полбеды…

– А вторые полбеды? – прервал я комбрига.

– Вторые полбеды – это Рогов. Он повесился.

Рогов был старшим механиком. Молодой парень лет двадцати пяти. У меня рот сам собой открылся. Комбриг продолжал:

– Записочку даже оставил. Обгорела немного, но читаема. Очень она не понравилась там… – Он поднял указательный палец. – Не понравилась даже больше, чем сам инцидент. «Господи, прости» – вот что написал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.